

Мечты не должны быть погребены под слоями
сомнений

Мария Петренко

КТО ТАКОЙ МАЛКОЛЬМ ПЭРРИШ?

16+

Мария Петренко

Кто такой Малкольм Пэрриш?

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Петренко М. С.

Кто такой Малкольм Пэрриш? / М. С. Петренко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Ученик закрытой мужской академии "Вестфилд" находит в парте письмо, написанное практически тридцать лет назад. Почему старое послание настораживает юношу? Проведя небольшое исследование, он расспрашивает учителя английской литературы – мистера Говарда – о его бывшем однокласснике, ходячей легенде – Малкольме Пэррише. Вместе с героем читателю предстоит услышать рассказ о дружбе и жизни таких не похожих друг на друга людей. Трогательная история о настоящей дружбе, мечте и стремлении к свободе, которое становится гораздо важнее душевного спокойствия.

Содержание

Меня зовут Малкольм Пэрриш	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Care diem. Ловите момент, мальчики. Сделайте свою жизнь экстраординарной.
©Робин Уильямс, «Общество мёртвых поэтов», 1989 г.

Меня зовут Малкольм Пэрриш

Здравствуй.

Когда мне было 5, я был уверен в том, что стану лётчиком и буду пролетать над странами и морями внутри огромной железной птицы. Я мечтал стать смелым и бесстрашным пилотом, который будет пролетать рядом с птицами в небесах, оставляя позади белые следы, которые будут разрезать облака. В 10 лет я мечтал стать бизнесменом в огромном офисе с большими окнами и стеклянным столом, за которым я буду подписывать кучи бумаг, которые будут приносить мне огромные деньги.

Сейчас мне 17, и я совсем не знаю, что буду делать со своей жизнью. Кто знает, что ждёт впереди: военная академия, самый престижный университет страны, а может и... нет, это глупости. Сейчас я готов поставить под сомнение любое своё слово, любую свою мысль, любой совет, который я давал кому-либо за всю свою жизнь. Я не уверен в том, что я поступал правильно хоть когда-то.

А о чём мечтаешь ты? Уверен, что в наше время мечты были намного проще. Мне кажется, что через пару десятков лет никому не будут нужны учёба в самых серьёзных школах, работа в самых больших компаниях, дома в самых «зелёных» районах. Времена меняются, а мальчишки остаются мальчишками.

Меня зовут Малкольм Пэрриш. Глупо звучит, правда? Именно поэтому друзья зовут меня по фамилии. Я правда не люблю своё имя, ну, по крайней мере сейчас. Я ещё слишком молод для обращения "Малкольм". Приятно познакомиться.

Сейчас мне 17, и я совсем не знаю, что буду делать со своей жизнью.

03/24/1989

М. П.

Глава 1

Кто такой Малкольм Пэрриш?

– Мистер Уилсон, вы хотите чем-то поделиться со всем классом?

– Что?.. Нет, мистер Говард, простите.

Мистер Говард укорительно покачал головой, придвинул очки поближе к переносице и продолжил читать вслух главы из какой-то старой и скучной книги.

Патрик Уилсон вновь уткнулся в старое письмо, найденное в парте. Как оно могло пролежать почти три десятка лет и остаться нетронутым временем? Юноша просто свернул загадочное послание и сунул его в карман пиджака.

Как только звонок с последнего урока перестал трезвонить, по всем коридорам мужской академии хлынул поток вопящих подростков, сносящих на своём пути всё: учителей, подставки под зонты и растения и друг друга. Однако же, через пару минут разрушительный ураган юнцов стих, и в академии наконец-то воцарились тишина и спокойствие.

Патрик сосредоточенно смотрел куда-то вдаль и постукивал ручкой по подбородку.

– Хэй, пирожок Пэтти, чего задумался? Алгебра воодушевляет на глубокие мысли и великие свершения? – Доминик Холл, только войдя в комнату, бросил скомканный кусок тетрадного листа в Патрика, пытаясь вернуть друга в реальный мир.

– Доминик, чёрт возьми! – парень вздрагивает от неожиданности и недовольства из-за того, что его отвлекли от размышлений.

– Да ладно тебе, не злись. О чём задумался, приятель? – Доминик, потрянув рыжими волосами, присаживается на свою кровать.

– Послушай, задам очень странный вопрос. Ты не знаешь случайно, кто такой Малкольм Пэрриш?

Доминик удивлённо вскидывает бровь, но в то же время направляет свой взгляд куда-то вбок, вспоминая что-то.

– Вот слышал это имя где-то, но никак не вспомню где. А кто это?

– Вот в том-то и дело, что я понятия не имею. Я рылся в парте на уроке английской литературы, а там было это, – Патрик достаёт из кармана конверт и протягивает его Доминику.

– А мешка с золотыми ты там не нашёл? – прищурившись, Доминик принимает из рук друга старый конверт.

– Очень смешно, Холл.

– Знаешь, друг, мы можем просто найти выпускной альбом 89-го года и найти этого Пэрриша там.

Парни по-тихому проскальзывают в коридор, чтобы не попасться на глаза коменданту. В библиотеке всегда спасали только карманные фонари, там почти всегда были задёрнуты шторы и было ужасно темно.

Чтобы найти старые альбомы, не понадобилось много времени: для них всегда выделялся отдельный стеллаж, где по годам были расставлены выпускные альбомы прошлых лет.

В пыльном альманахе 89-го года характеристика Малкольма Пэрриша выделялась среди его сокурсников: она была написана красиво и аккуратно, какими-то блестящими чёрными чернилами, каждая буква была выведена и подчёркнута.

«Малкольм Пэрриш

13 апреля 1972 года

Отличник, главный редактор газеты академии, образцовый и прилежный ученик. Вежлив, пунктуален, серьёзен, послушен. Гордость семьи, учителей и друзей. Ни разу не уличён в нарушении дисциплины и правил академии...»

– И бла бла бла... Хм, да он был прямо идеалом, судя по всему, – ухмыльнулся Доминик.

Далее шли комментарии учеников, наверное, друзей Малкольма. Это уже мало интересовало. Но среди них была фамилия «Говард».

– Не мистер ли Говард с ним учился? – Патрик был озадачен.

– Да тут кроме фамилии ничего и нет, только клякса. Рука, наверное, соскочила. Да и Говардов немало в Америке, думаю.

– Здесь вообще нет ничего интересного больше, кроме этого. Но что-то всё равно не так. Я это чувствую...

– Почему же? Вроде всё понятно – отличник и паинька.

– Вот именно! Ну не может человек с таким описанием не знать, как он будет жить. К тому же, это же восьмидесятые – тогда для человека было известно уже всё: от карьеры юриста или медика до жены и спокойной жизни в хорошем доме.

– И чего же ты хочешь, Уилсон? – Доминик размял шею, лениво потягиваясь и зевая.

– Завтра же спрошу о нём у мистера Говарда. Я уверен, это именно он учился с ним, – Патрик закрыл альбом и решительно направился к выходу.

– С ума сошёл?! Тебе потом влетит и за библиотеку ночью, и за то, что ты на уроке ерунду читал вместо того, чтобы размышлять о Байроне и Шекспире.

– Всё равно мне, Доминик. Пусть влетит, – Патрик встал и стремительно направился к выходу из тёмной библиотеки.

– Да не дури, Патрик! Ну, ерунда же это, ну! – Доминик еле-еле поспевал за другом.

– Дак я же не заставляю тебя идти со мной завтра. Это мне интересно, я взволнован, а ты иди и дальше уроки в курилке прогуливать.

– А вот это было уже обидно, Уилсон, – Доминик по-дружески дал подзатыльник Патрику, – Я просто не хочу огребать вместе с тобой. Потом расскажешь.

– Ну и трус же ты, Доминик!

Споря, парни уже успели дойти до своей комнаты и уснуть. Патрик прокружился всю ночь, пытаясь совладать со своими спутанными мыслями. Он надеялся, что мистер Говард – учитель литературы – был именно тем Говардом, который оставил свою подпись под характеристикой Малкольма Пэрриша.

Глава 2

На следующий день после урока Патрик Уилсон, взяв всю свою смелость в кулак, подошёл к мистеру Говарду и спросил, кто же такой всё-таки был этот Малкольм Пэрриш. В мгновение учитель помрачнел.

– Это очень долгая и печальная история. Пойдём в мою комнату, я скажу остальным учителям, что ты выполнял мои поручения и не пришёл на их уроки именно поэтому.

В комнате мистера Говарда было уютно, но строго, там пахло деревом и кофе. Налив Патрику чашку крепкого кофе, мистер Говард продолжил.

– В 80-х он был лучшим учеником академии, душой компании, им гордилась семья, ему пророчили успешное и счастливое будущее. Я в то время был его одноклассником и лучшим другом, почти братом.

Малкольм Пэрриш был личной знаменитостью академии: образцовый ученик, всегда вежливый, никогда не спорил с учителями, не пропускал ни одного урока. После выпуска я понял, что такие парни популярны среди женского пола: он был худошавым, не особо высоким, с тёмными волосами и серыми глазами, носил очки для зрения, почти закрывающие широкие брови, а с наступлением весны у него на носу и щеках появлялись веснушки. Казалось бы, обычный парень, но что-то в нём было такое, что притягивало людей прямо магнитом.

На самом деле он не был таким пайнкой, как многие думали: просто бунтовал он тихо, незаметно, скорее, внутри себя, «выражал внутреннее несогласие», как сказали бы учителя обществоведения.

Иногда он выглядел очень печальным, но мне всегда казалось, что он просто думает о чём-то. Никогда не замечал грусти и озадаченности в его глазах. Через пару лет я понял, сколько же отрешённости было в этих глазах, но об этом позже.

Всю его жизнь, увы, недолгую, рассказать я не смогу: мы познакомились, когда нам было по 16. Думаю, именно этот период жизни Пэрриша будет тебе интересен.

Наша дружба походила на взаимоотношения ребят из «Общества мёртвых поэтов»: мы были соседями по комнате, вместе читали книги, которые никак не относились к школьной программе, вместе рассуждали о чём-то высоком. В очень редкие моменты нас бывало трое: я, Малкольм Пэрриш и Грегори Диккенс.

Мы были совсем непохожими друг на друга: пухлощёкий (хотя он был довольно худым) Грегори был мечтателем до мозга костей, я в 16 лет уже знал, как сложится моя жизнь, а вот потерю зрения к 45 годам предсказать не смог, а Пэрриш, казалось, даже не задумывался о том, что будет завтра, всегда жил мгновеньем. Хотя, судя по письму, которое ты нашёл, будущая жизнь его всё-таки волновала.

У Пэрриша была хорошая семья. Правда, отец был очень строгим, но его можно было понять: сына ждало большое будущее. Его мать была чистейшей души женщина, она всегда улыбалась, а его старший брат был военным, очень серьёзным человеком, но всё равно он всегда находил время на младшего брата и веселье с ним.

Мы познакомились в 88-м году, когда моя семья решила, что моим обучением в последние годы перед поступлением должны заниматься в невероятно пафосной мужской академии «Вестфилд». Мне несказанно повезло: я стал соседом Малкольма Пэрриша, легенды о котором ходили по всей академии. На деле, когда я вошёл в комнату, за письменным столом сидел сосредоточенный растрёпанный парень в больших очках и твердил что-то на латыни себе под нос. Услышав, что кто-то вошёл, он сразу же поднял взъерошенную голову от книг и широко улыбнулся.

– Привет! Ты – Адам Говард, верно?

– Да, именно... А ты – Малкольм Пэрриш? – я протянул руку для приветствия.

– Просто Пэрриш, – он пожал мою руку и потряс ей, – Не люблю, когда называют по имени – оно слишком сложное, а в сочетании с фамилией звучит как-то несурезно! – Пэрриш улыбнулся и плюхнулся на кровать.

Я выложил вещи, а Пэрриш отдал мне полный комплект учебников, которые теперь должны были стать моими.

Когда в комнату тихо протиснулась кудрявая голова с пухлыми щеками, которая, как, оказалось, принадлежал Грегори Диккенсу, Пэрриш познакомил и нас. И вот, нас стало трое: будущие юрист, медик и профессор. На самом деле, я и Малкольм свободно обходились без Грегори: он часто уезжал куда-то и пропускал уроки.

На уроках нагрузки были невероятными: вам сейчас гораздо проще учиться, чем в 80-х или 90-х. Даже учебники стали легче, а информации в них столько же. Учёбу Пэрриш не очень любил, но островком эмоциональной разгрузки и счастья для него был урок английской литературы. Он всегда с радостью читал и писал, брал дополнительные задания. В такие моменты он был настолько счастлив, насколько человек может быть таковым. Однажды он сказал мне, что хотел бы связать свою жизнь с литературой, но сразу же он понял, что это бредовая идея: отец никогда не разрешит будущему юристу писать «рассказики и стишочки». Но Пэрриша это не волновало, ведь можно же заниматься писательством непрофессионально; к тому же, его отец бы не узнал о хобби сына: родители практически никогда не приезжали. Всё, что происходило в академии, оставалось в академии.

Пэрришу хотелось свободы прямо сейчас, а не после окончания учёбы, как говорил его отец. Конечно же, все мы жили в ежовых рукавицах родителей, а в крови играли гормоны, душа требовала бунтарства. Мне кажется, ты понимаешь, о чём я говорю. Подростки во все времена мыслят и действуют одинаково.

Он был мыслителем, таким, которые рассуждают о том, что же такое свобода для человека, что она для каждого своя, и человек должен считать смыслом своей жизни полную свободу. Для него было 2 вечных темы для разговора: свобода и мечта.

Думаю, предысторию я закончил. Теперь я буду пытаться вспомнить последние месяцы, которые мы провели вместе.

Глава 3

Малкольм рассказывал о своей жизни так увлекательно, что казалось, будто бы я знал его всю свою жизнь.

Родился он 13 апреля 1972 года, его отца зовут Роберт, а мать – Аманда. Появлению Малкольма был рад и трёхлетний Декстер, его родной брат. Детство Малкольма было счастливым: они с братом постоянно гуляли на улице, играли в подвижные игры и помогали родителям, в основном, маме. Отец Пэрриша был ужасно строг, и вся жизнь мальчиков была распланирована. Декстера он любил больше, чем Малкольма, и давал ему чуть больше свободы.

– Ну, свобода – понятие растяжимое. Так что, брат просто мог выбрать, каким именно спортом ему заниматься.

Малкольм говорил так живо, размахивал руками и корчил такие смешные рожи, что я смеялся, не переставая.

– Мама называла меня «самым шkodливым ребёнком в мире, Малкольм, слезь с дерева, поранишься, ай, ты уже порвал брюки, Боже, за что мне такое наказание». Ну, сам представь, какое же детство без сбитых коленок? Я постоянно пропадал где-то на улице, на озере возле моего дома. Брат был серьёзней, но не на много.

Когда его отправили в «Вестфилд», я очень скучал. Очень сильно. Мне казалось, что моего лучшего друга у меня забрали навсегда. Я понимал, что он может приехать в любой момент, остаться на выходные, и веселье вновь появится в нашем доме. Однажды я по привычке вскочил рано-рано утром и со всех ног бросился в комнату Декстера, чтобы разбудить его, но увидел лишь пустую постель и закрытое окно. Тогда я взобрался на его кровать, а она была очень высокой, уткнул лицо в подушки, которые ещё пахли шампунем брата, и зарыдал. Я настолько привык к нему, что уже не представлял ни дня без брата, без наших игр и шалостей. Я умолял отца забрать брата из академии хоть на день, но он был непреклонен. Тогда я стал меняться, как выразилась мама: я ходил неприкаянным, а когда меня звали погулять соседские дети, я нехотя соглашался и ходил с кислой миной или одиноко сидел на качелях.

Время шло, но брат не приезжал. В апреле, на мой 6 день рождения родители устроили такой праздник! Было всё: и шарики, и вкусный торт, и веселье. Родители пообещали сделать мне самый лучший подарок, который я смогу только представить. Я ждал Декстера, наконец-то я проявил хоть какую-то долю былой активности. И вот – самый разгар вечера, мой отец встаёт и произносит торжественную речь. Они с мамой проводят меня с закрытыми глазами в гостиную, я открываю глаза, и... Вижу велосипед. Понимаешь, велосипед. Не брата, а чёртову двухколёсную машину! Слёзы тут же покатались из моих глаз, и я рванул в свою комнату, вопя на весь дом. Отец тогда лишь попросил всех разойтись и налил себе виски, а мама пришла ко мне и долго гладила меня по голове, пока я не уснул.

Утром мне не хотелось выходить из своей комнаты, но, когда я открыл глаза, в комнату вошёл Декстер. Я в ту же секунду прыгнул на него, радостно повторяя его имя, мы смеялись и катались по полу в объятиях друг друга. Я тогда взглянул на отца, но тот не выдал ни одной эмоции, как и всегда. Брат хоть и был щуплым 9-летним мальчишкой, но уже выглядел гораздо старше, чем два года назад. Тогда мы провели весь день вместе, а к ночи он уехал. А я глядел за этим в окно, за тем, как моего брата снова увозят.

Проходили месяцы, даже годы, я уже повзрослел, и меня отдали в «Вестфилд». Не поверишь, но я долго не мог завести друзей, очень долго. Я не хотел отвыкать от жизни дома, от брата и игр в любой момент. Мне было ужасно непривычно жить и учиться по строго установленным правилам, со строгим распорядком и дисциплиной. Тебе повезло, ты учился в самой обыкновенной школе почти всё время; говорят, что вам гораздо легче было учиться, но гораздо тяжелее приспособиться к порядкам академии.

На самом деле, он был не прав: я никогда не испытывал трудностей с тем, чтобы приспособиться к новому месту и новой среде обитания. Конечно же, мне, человеку из простой семьи, который провёл 11 классов в самой обыкновенной школе недалеко от дома, было непросто свыкнуться с тем, что я не смогу сбежать с урока без последствий, что не смогу видаться с родителями каждый день, что не смогу опоздать и найти какое-нибудь глупое оправдание. Мне и в голову не приходило, что мои мозги будут кипеть каждый день целый год.

– Ну, не знаю, как остальные, но я сам по себе человек гибкий. Только теперь я не смогу убежать с урока, чтобы мне не влетело, да ещё и как.

Хохотал Малкольм заразительно и звонко. Не знаю, что же такого смешного я сказал, но он рассмеялся на всю академию, наверное. В нашу комнату даже заглянул какой-то парень из соседней комнаты и покрутил пальцем у виска, а затем пожал мне руку, сказал: «Кори Леонард, капитан команды по плаванию» – и ушёл.

– Тот ещё фрукт! – крикнул Малкольм так громко, чтобы Кори услышал, – А говорят, что не тонет...

– Я всё слышу, Пэрриш! – удаляющийся ответный крик заглушил последние слова Малкольма, из-за чего я ухмыльнулся.

– Ну а ты, Адам? – Пэрриш изумительно улыбнулся и зевнул одновременно, – Расскажешь о себе?

– Мне нечего рассказывать особо. Я обычный парень, у меня самая обычная семья, я единственный ребёнок, мой отец – финансовый менеджер, а мама – медик. Мой отец очень любит футбол, а мама любит готовить и выращивать цветы.

– У тебя идеальная семья из старых фильмов. А большой собаки у тебя нет?

– Нет.

– Оу, – Малкольм был немного сконфужен тем, что его шутка не удалась.

Мы проговорили ещё несколько часов, попутно раскладывая мои вещи по шкафам и тумбам, и здороваясь с проходящими мимо ребятами. За этот вечер я перезнакомился с доброй половиной сокурсников и даже некоторыми ребятами помладше. Малкольм рассказывал о каждом, кто проходил мимо, подкрепляя всё смешными историями и интересными фактами о мальчишках и, иногда, учителях.

Глава 4

Мы встретили Рождество и Новый Год с семьями на каникулах. Но даже несмотря на то, что мы с Пэрришем жили на разных концах города, мы смогли пару раз встретиться и прогуляться перед возвращением в академию.

Каким-то печальным он мне показался во время одной из прогулок, каким-то растерянным и взволнованным. Я не стал допытываться до Пэрриша – он сам рассказал бы всё, если бы хотел. Но я должен был его поддержать, что бы ни произошло.

– Послушай, друг, – я положил руку ему на плечо, – Что бы ни произошло у тебя, ты всегда можешь на меня положиться – мы же друзья как-никак.

Малкольм тяжело вздохнул и присел на скамью.

– Отец нашёл мои черновики. Они выпали из моего дипломата.

– Он выбросил их? – я переминался с ноги на ногу, садиться рядом мне не хотелось.

– Нет, не выбросил. Но был большой скандал, – поёжившись от холода, Пэрриш вскочил со скамейки и направил палец в вверх, пытаясь показать своего отца, – Серьёзному парню с серьёзным будущим не пристало заниматься такой ерундой!

– Что такого в этом? Я никак не пойму. Ты же не лезешь в писатели и не пытаешься бросить учёбу.

– Если я пишу – значит, у меня есть свободное время. А если у меня есть свободное время, – какого чёрта я трачу его не на учёбу?!

Впервые я видел Пэрриша таким. Из него вырвались эмоции. Казалось бы, обычная семейная драма, но что-то в этой ситуации его сильно огорчило. Я был расстроен не меньше, чем он: как оказалось, Пэрриш очень тонко чувствовал, но чаще всего скрывал свои переживания.

Помню, я тогда зевнул, прикрыв глаза всего на мгновение, а когда открыл – Пэрриш, раскинув руки в стороны, рухнул спиной в сугроб снега и расхохотался. Я даже не успел как-то отреагировать, он уже вскочил на ноги.

– Надо, наверное, идти по домам. Завтра возвращаться в академию. Но знаешь, что я тебе скажу? – он толкнул меня в плечо кулаком, – Мы снова сможем стать чуть более свободными.

– А ты снова сможешь писать, сколько захочешь. Только в этот раз не забудь оставить черновики в академии, чтобы потом не было ссор дома.

– Ох, Адам, теперь точно не забуду. Не хочу больше в снег падать, если честно, – Малкольм шёл и кружился на месте, безуспешно пытаясь отряхнуть спину от снега.

Вот так быстро менялось его состояние: от печали до искреннего смеха за пару минут.

По возвращении в учебную жизнь всё встало на круги своя: снова уроки, снова рутинная и снова поздние тихие побеги в библиотеку за сборниками лирики для сердца и души.

Как только немного потеплело, и на переменах все обычно выбегали на улицу, накинув куртки, у Пэрриша начался какой-то психологический подъём. Он стал каким-то философом, рассуждающим о том, какую же роль в наших жизнях играют мечты. Однажды он даже сказал мне: «*Somnia non opus esse sepultus sub stratis dubium*. Мечты не должны быть погребены под слоями сомнений, Говард. Запомни это».

В твоих глазах, Патрик, я вижу вопрос: мистер Говард, а почему же вы не рассказываете ничего о себе? А ответ будет прост и банален: я был самым обыкновенным юнцом с мечтами об окончании учёбы. В нашей истории я не был таким интересным, как Малкольм.

Так, о чём я говорил? А, точно! Весной Малкольм достигал пика своей продуктивности во всём: на письменном столе появлялись кипы книг и учебников, за которыми его было даже не видно, с собой у него всегда был черновик с записями (и не один), на его пропуске в библиотеку не оставалось пустого места. Да, раньше у нас были бумажные пропуска, на которые

ставилась печать при посещении библиотеки. Так вот, каждые пару дней Пэрриш заходил в библиотеку, приносил штук пять каких-то тяжёлых книг, чем пугал библиотекаря. Потом брал примерно столько же, улыбался, закрывая глаза, благодарил за помощь в получении образования и гордо удалялся на подкашивающихся из-за тяжести ног.

Нередко до комнаты Пэрриш не доходил вместе с книгами – они выпадали из его рук и высыпались прямо возле двери, сразу слышался громкий и полный печали возглас Малкольма о том, как же несправедлива жизнь.

– И вот так каждый раз, понимаешь, каждый раз!

– Рассчитывай свои силы, Пэрриш, – всегда говорил ему я, подняв глаза от учебника, когда он толкал дверь в комнату ногой.

– А что такого? Читать хочется, по учёбе ещё нужно, а по несколько раз я ходить не могу: на пропуске места почти нет. Я же академию разоряю! – раздосадовано говорил он, надевая очки и садясь за написание очередного рассказа.

Я не хочу становиться похожим на тех людей за сорок, бурчащих что-то про «В наше время...», но раньше подростки были более спокойными и дисциплинированными. Возможно, это зависит от места обучения, да и воспитание у всех разное, но всё же, это факт.

Каждый вечер после окончания уроков, когда все расходились по комнатам, в академии наступала гробовая тишина. Кто-то читал, кто-то делал задания, а мы с Пэрришем создавали новые сюжеты. Да, я тоже принимал участие в писательской деятельности, но главенство всё-таки принадлежало Малкольму.

Спустя пару месяцев мы забыли про тот инцидент на зимних каникулах, но всё равно в душе Пэрриша остался глубокий след. Теперь он всё переписывал дважды, одну из копий отдавал мне. Наши шкафы были забиты кипами бумаги, столы были запачканы чернилами, на печатной машинке почти не было видно букв.

Писательство приносило нам счастье.

– А знаешь, Адам, когда-нибудь я напишу свою книгу, ты напишешь свою. Здорово будет в книжном магазине увидеть на полке с бестселлерами наши имена! – у Пэрриша глаза горели энтузиазмом, а очки отражали солнце мне прямо в глаза.

– Не хочу портить тебе малину, но... Ты понимаешь сам, что это невозможно. Разве нет?

– А ну вспомни, что я говорил тебе недавно о мечтах! Мечты не должны...

– Быть погребены под слоями сомнений.

– Вот и молодец. Знаешь, что однажды сказал Генри Торо: "Если человек уверенно движется по направлению к своей мечте и стремится жить такой жизнью, какую он себе вообразил, то успех придет к нему в самый обычный час и совсем неожиданно». Вот так-то.

Глава 5

Мне кажется, мой рассказ, как и любой другой, не мог бы обойтись без девушки. Как ты думаешь, Патрик?

Вернёмся немного назад. Я уже упоминал, что Малкольм был приятной внешности. И вот, на зимних каникулах я вытягиваю Пэрриша в кино. Если честно, не могу вспомнить, что же мы смотрели. Наверняка, какой-нибудь боевик. После сеанса мы прогуливались по какому-то скверу, а Пэрриш имел довольно странную привычку: шёл спиной вперёд, когда завязывался долгий разговор. Как гром среди ясного неба перед Пэрришем (точнее, перед его спиной) появилась девушка. До сих пор не понимаю, как она умудрилась не сломать нос об его спину: все мы вскрикнули от неожиданности.

До сих пор помню внешность этой девушки: на ней был белый берет, который контрастировал с её тёмными волосами, как и светлая шубка, её носик был вздёрнут немного вверх, а карие блестящие глаза были широко распахнуты от испуга – она была похожа на девочек со старых рождественских открыток.

– Боже, извините, я вас не заметил! Как же стыдно... – Пэрриш сразу же начал извиняться.

– Ох, ничего страшного. Никто не пострадал! Я тоже виновата, нужно было смотреть под ноги, – её мелодичный голос был похож на колокольчик.

– Прошу извинить меня тоже: не предупредил друга, – я потрепал волосы Пэрриша, из-за чего все мы засмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.